

Русское население Абхазии: геодемографические процессы постсоветского периода

С. Я. Суцкий

Федеральный исследовательский центр
Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону
ss7707@mail.ru

Аннотация

В статье автор исследует основные тенденции количественной, пространственной, расселенческой динамики русского населения Абхазии в 1990-е–2020-х гг. Сделан вывод, что период резкой геодемографической трансформации местной русской общины пришелся на время вооруженного грузино-абхазского конфликта (1992–1993), в течение которого русское население республики сократилось в несколько раз. Послевоенные годы (середина–вторая половина 1990-х гг.) были связаны с частичным восстановлением численности и географии русских в пределах Абхазии. С начала XXI в. в количественной и пространственной динамике местной русской общины начинается период, который можно условно обозначить как геодемографическое «плато» – численность русских стабилизируется на уровне 21–23 тыс. чел. Устойчивой с этого времени остается и система их расселения, тяготеющая к приморской зоне республики. Демографическими эпицентрами этой системы являются Сухуми и Гагрский район, на которые приходится порядка 70 % русского населения Абхазии. Его геодемографическая устойчивость объясняется системной россиецентричностью абхазского общества, облегченным характером перемещения населения между двумя странами, определенной социально-экономической стабильностью Абхазии. Самостоятельное значение имел туристско-рекреационный фактор – круглогодичное присутствие в республике большого числа российских туристов, а также россиян – собственников жилья и трудовых мигрантов. В сумме эти группы количественно превосходили местное население (во многих поселениях – многократно), в заметной степени определяя особенности социальной жизни всего республиканского общества и непрерывно демографически «подпитывая» местную русскую общину. Это позволило последней за 2000–2023 гг. увеличить свою долю в структуре русского населения всего Южного Кавказа с 9,4 до 15–16 %. К середине XXI в. данный показатель может подняться до 27–33 %.

Ключевые слова:

русская община Абхазии, демографическая динамика, система расселения, естественное воспроизводство, миграционные процессы, туристический поток

Russian population of Abkhazia: geodemographic processes of the post-Soviet period

S. Ya. Sushchy

Federal Research Centre Southern Science Centre, RAS,
Rostov-on-Don
ss7707@mail.ru

Abstract

The author considers the main trends in the quantitative, spatial, settlement dynamics of the Russian population of Abkhazia in the 1990s and early 2020s. It is concluded that the period of sharp geodemographic transformation of the local Russian community occurred during the armed Georgian-Abkhazian conflict (1992–1993), during which the Russian population of the republic decreased several times. The post-war years (mid-second half of the 1990s) were associated with a partial restoration of the number and geography of the Russians within Abkhazia. Since the beginning of the XXI century, in the quantitative and spatial dynamics of the local Russian community, a period begins that can be conditionally designated as a geodemographic “plateau” – the number of the Russians stabilizes at the level of 21–23 thousand people. Since that time, the system of their settlement which tends to the coastal zone of the republic, has remained stable. The demographic epicenters of this system are Sukhumi and Gagra region, which account for about 70% of the Russian population of Abkhazia. Its geodemographic stability is explained by the systemic Russia-centricity of the Abkhazian society, the facilitated nature of population movement between the two countries, and the certain socio-economic stability of Abkhazia. The tourist and recreational factor was of independent importance – the year-round presence in the republic of a large number of Russian tourists, as well as Russian homeowners and labor migrants. In total, these groups outnumbered the local population (many times in many settlements), significantly determining the peculiarities of the social life of the republican society and continuously demographically “feeding” the local Russian community. This allowed the latter to increase its share in the structure of the Russian population of the entire South Caucasus from 9.4% to 15–16% in 2000–2023. By the mid-XXI century, this indicator can rise to 27–33%.

Keywords:

Russian community of Abkhazia, demographic dynamics, settlement system, natural reproduction, migration processes, tourist flow

Постсоветский период был связан со значительными изменениями системы расселения русских в пределах бывших союзных республик СССР, оформившихся в качестве ближнего зарубежья Российской Федерации. При этом, динамика русского населения в каждом из постсоветских государств при наличии ряда общих тенденций отличалась своей серьезной спецификой, обусловленной суммой политических, этнокультурных и социально-экономических факторов.

Этнодемографическая динамика населения постсоветской Абхазии привлекала внимание специалистов многих отраслей общественности (социологов, демографов, этноконфликтологов, социальных географов) с середины 1990-х гг. Данный интерес в значительной степени объяснялся желанием зафиксировать векторы и масштабы трансформации национальной структуры местного населения, обусловленные вооруженным конфликтом, вспыхнувшим на территории республики в начале 1990-х гг. Выделим академическое издание, посвященное истории и современности абхазского народа, в том числе и этнодемографическим процессам в пределах системы его расселения [1], работы Н. В. Багапша [2, 3], Н. А. Дубовой и А. Н. Ямскава [4–6], И. В. Мукомеля [7], Л. Соловьевой [8], С. Я. Суцего [9, 10], А. Ш. Хашбы [11].

Однако в аналитическом фокусе большинства указанных работ находилась динамика титульного и грузинского населения как двух основных национальных сообществ Абхазии. Геодемографические и миграционные процессы, связанные с местной русской общиной, оставались на периферии исследовательской повестки. Между тем изучение количественной, пространственной, расселенческой динамики русского населения Абхазии представляет не только самостоятельный научный интерес, но в сочетании со сравнительным анализом русской общины постсоветской Грузии позволяет оценить влияние суммы политических и социально-экономических факторов на демографические и миграционные процессы, протекавшие в различных территориальных группах русских современного Южного Кавказа.

В качестве информационной базы геодемографического анализа русской общины Абхазии могут быть использованы результаты последней советской переписи 1989 г., двух постсоветских переписей населения республики (2003 и 2011 гг.) [12, 13], а также текущего демографического учета, отраженного в республиканских статистических сборниках [14]. При этом должны быть учтены замечания, сделанные специалистами, оценивавшими возможные погрешности постсоветских переписей Абхазии, обусловленные разными факторами, в том числе этнополитической «целесообразностью» [4; 10].

Результаты и их обсуждение

Русские являются одной из старожильческих групп местного населения, первые стадии формирования которой пришлось на середину XIX в. В конце XIX в. в территориальных пределах современной Абхазии проживало 5,1 тыс. русских. Заметно ускорился демографический

рост русской общины в первые десятилетия советского периода – за 1926–1939 гг. она выросла почти в пять раз (с 12,6 до 60,2 тыс. чел.). Максимального размера община достигла на рубеже 1970-х гг. (по переписи 1970 г. в республике проживало 92,9 тыс. русских, составлявших 19,1 % ее населения).

Последние советские десятилетия были уже связаны с новым, «нисходящим» трендом демографической динамики русского населения Абхазии, на тот момент автономной республики в составе Грузинской ССР. К 1979 г. его численность сократилась до 79,7 тыс. чел. Учитывая существовавший в русской общине среднегодовой естественный прирост (5–6 ‰), Абхазию в данное десятилетие покинуло порядка 19–20 % русских, интенсивный миграционный отток которых из автономии, таким образом, начался задолго до обострения межнациональных отношений в конце 1980-х гг.

Как и все русское население Грузинской ССР, его абхазскую территориальную группу отличал значительный половой дисбаланс, но в еще более выраженной форме. В 1950–1960-е гг. на 100 русских женщин в автономии приходилось только 68–70 мужчин. К концу 1970-х гг. этот показатель сократился до 63,4 (в остальной Грузии он в это время составлял 66,3) (рассчитано по: [15]). Если в первые послевоенные десятилетия центральную роль в столь существенной деформации играли последствия Великой Отечественной войны, то с течением времени на первый план выступила «брачная» миграция – приезд в Абхазию русских женщин, вышедших замуж за представителя одной из кавказских национальностей, прежде всего грузин и абхазов. В последние десятилетия советского периода это позволяло компенсировать часть общего миграционного оттока русских, но при этом еще больше увеличивало половой дисбаланс (показательно, что в 1970–1979 гг. численность русских мужчин в Абхазии сократилась на 19,4 %, а женщин – только на 10,5 %).

Демографическое отступление русских из Абхазии продолжилось в 1980-е гг., хотя темпы убыли вплоть до 1988–1989 гг. оставались более низкими, чем в предыдущем десятилетии (отток с учетом естественного прироста составил порядка 11–12 % от общего размера русской общины). При этом, динамика отдельных территориальных групп отличалась существенной спецификой. В Гагрском и Очамчирском районах численность русских возросла на 6–7 %, в Сухуми и большинстве других районов – сократилась на 10–15 %, а в самом южном, Гальском, районе убыль составила 32,8 %¹. Впрочем, эта разнонаправленная динамика почти не отразилась на общей географии русского населения – основными эпицентрами его системы расселения оставались Гагрский район и Сухуми, на ко-

¹ Заметим, что этот самый южный район Грузии, обладавший почти мононациональной структурой населения (грузины составляли в его структуре 89–93 %), отличался максимальными темпами сокращения русских и в 1970-е гг. В общей сложности за два последних советских десятилетия численность русских в районе сократилась более чем в два раза. Однако предположение о том, что столь интенсивный отток русского населения являлся индикатором латентно нарастающей межнациональной напряженности требует дополнительной проверки. Поскольку размеры ряда других значительных национальных меньшинств района (в том числе армян и украинцев) в данный период не сократились.

торые в это время в сумме приходилось 55–58 % русских республики (табл. 1).

Геодемографическая динамика русского населения в 1990–2000-е гг. Катастрофические последствия для русской общины Абхазии имел продолжавшийся более года грузино-абхазский вооруженный конфликт (август 1992–сентябрь 1993 гг.). В течение ряда месяцев территорию республики покинула основная масса русского населения, как и всех остальных национальных меньшинств республики [2, с. 66]. Отсутствие демографического учета, значительное число беженцев и многократно менявшая свое направление интенсивная миграционная циркуляция населения не позволяют установить детальную динамику русской общины в период активного вооруженного противостояния и в последующие годы. Но есть основания полагать, что в это время численность русских находилась на минимальном уровне.

Прекращение боевых действий, соглашение о прекращении огня (май 1994 г.) и определенная социально-экономическая стабилизация республики в середине-второй половине 1990-х гг. способствовали постепенному возвращению в нее части беженцев и общей количественной стабилизации русской общины. Но уже на значительно более низком количественном уровне – первая постсоветская перепись населения Абхазии (2003) зафиксировала в республике 23,4 тыс. русских (в 3,2 раза меньше, чем в 1989 г.). Однако масштабы убыли существенно различались по отдельным районам и городам республики. Максимальные потери понесли группы русского населения южных районов, прилегающих к Грузии и являвшихся в 1992–1993 гг. территорией наиболее ожесточенных боевых действий (рис. 1).

В Ткварчельском и Очамчирском районах численность русских уменьшилась соответственно в 7,3 и 4,7 раз, а Гальский район они покинули фактически полностью (за 1989–2003 гг. местное русское население сократилось с 2,48 тыс. чел. до 158 чел.)². Группы русских в остальных районах Абхазии и республиканской столице сократились в 2,5–3,7 раз (табл. 2).

При общей 3-кратной демографической убыли русского населения в 1990-е гг. еще отчетливее обозначились два эпицентра его системы расселения – столица и Гагрский район. В начале 2000-х гг. на них приходилось уже почти 70 % русских Абхазии, которые таким образом, оставив значительную часть поселенческой сети республики, в нарастающей степени концентрировались в Сухуми (единственном крупном городе

² Некоторая часть данных потерь носила статистический характер, поскольку три села (Ачгуара, Шашалат, Гудава), в советский период входившие в состав Гальского района, в 1995 г. перешли в Очамчирский административный район. Но и с учетом данного обстоятельства численность русских сократилась почти в 15 раз.

Таблица 1
Доля отдельных территорий и центров в общей численности русского населения Абхазии, 1979–2023 годы, %

Table 1
The share of individual territories and centers in the total Russian population of Abkhazia, 1979–2023, %

Центры и районы	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2003 г.	2011 г.	2023 г.
г. Сухуми	33,6	35,8	34,4	38,0	42,1	43,3
г. Ткварчели	8,9	7,7	7,1	3,1	2,4	2,5
Гагрский район	22,1	22,0	24,9	31,5	28,7	27,4
Гальский район	5,5	4,6	3,3	0,7	0,9	0,8
Гудаутский район	12,0	10,8	10,3	8,9	8,3	8,7
Гульрипшский район	8,8	9,7	10,3	10,2	9,3	8,9
Очамчирский район	5,5	5,2	5,9	4,0	4,4	4,6
Сухумский район	3,6	4,2	3,8	3,7	3,9	3,8

Рассчитано по: здесь и в табл. 2 и рис. 1 [14, 16].
Calculated according to: [14, 16].

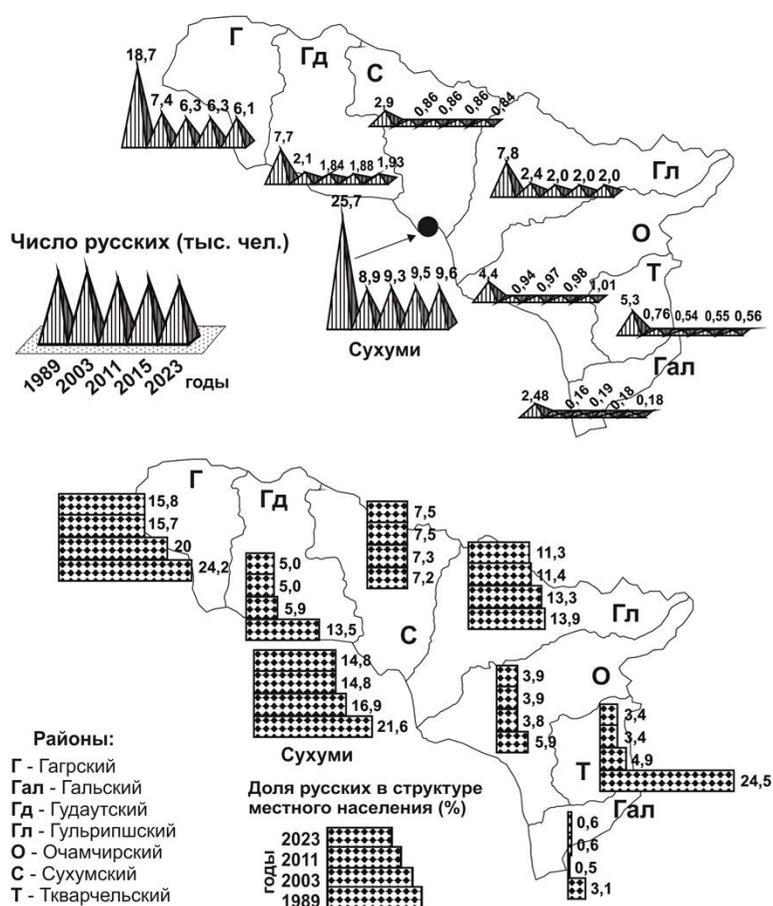

Рис. 1. Динамика русского населения Абхазии, 1989–2023 годы (тыс. чел., %).
Fig. 1. Dynamics of the Russian population of Abkhazia, 1989–2023 (thousand people, %)

республики) и на территориях, прилегающих к Российской Федерации.

Центральным событием в общественно-политической жизни Абхазии в «нулевые» стало признание независимости республики Российской Федерацией, последовавшее после завершения вооруженного конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. Данное событие имело существенное значение для дальнейшей демографической динамики местной русской общины, создав предпосылки, если не для ее расширения, то сохранения на существующем уровне.

Динамика русского населения по основным городам
и районам Абхазии, 1970–2023 годы, %

Dynamics of the Russian population in the main towns and regions
of Abkhazia, 1970–2023 (%)

Центры и районы	1970–1979 гг.	1979–1989 гг.	1989–2003 гг.	2003–2011 гг.	2011–2023 гг.
г. Сухуми	-8,5	-9,9	-65,4	4,3	3,7
г. Ткварчели	-25,5	-13,7	-86,4	-26,0	3,9
Гагрский район	-14,8	6,7	-60,5	-14,2	-3,6
Гальский район	-28,4	-32,3	-93,6	18,2	-3,2
Гудаутский район	-22,7	-10,1	-73,2	-11,3	5,2
Гульрипшский район	-5,2	0,2	-69,3	-14,0	-2,8
Очамчирский район	-18,5	7,5	-78,8	2,9	4,9
Сухумский район	-0,1	-14,8	-69,9	0,5	-2,3
Вся Абхазия	-14,2	-6,0	-68,7	-5,8	0,9

Это подтвердила вторая постсоветская перепись населения республики (2011), зафиксировавшая в республике 22,1 тыс. русских жителей. Убыль за межпереписной период составила 5,6 %, что фактически соответствовало уровню естественных потерь русского населения в этот период. Таким образом, сальдо миграционной динамики русских в 2000–е гг. было близким к нулевой отметке.

Достоверность этнодемографической статистики двух постсоветских переписей населения республики вызывала сомнение у некоторых специалистов [6, 9]. Что вполне обосновано, учитывая, в частности, существенные расхождения между результатами переписи 2011 г. и данными самой республиканской статистики. Согласно текущему демографическому учету на 1 января 2009 г., в Абхазии проживало 96,3 тыс. абхазов, тогда как проведенная двумя годами позже перепись зафиксировала уже 122,3 тыс. чел. Однако демографический анализ естественной и миграционной динамики титульного национального сообщества в 2000–е гг. не обнаруживает реальных причин для столь существенной количественной нестыковки [9, с. 101–102].

При этом, в результатах переписи 2011 г. мог быть серьезный недоучет грузинского населения республики. Его зафиксированная численность составила 46,5 тыс. чел., а, по расчетам специалистов, на рубеже 2010–х гг. она могла составлять порядка 60–80 тыс. [6, 17]. Таким образом, удельное соотношение двух крупнейших народов республики существенно сдвигалось в пользу титульного национального сообщества – согласно результатам переписи, абхазы и грузины составляли соответственно 50,8 и 19,2 % населения Абхазии (по расчетам специалистов, порядка 39–40 и 25–30 %) [6; 9, с. 103]. Очевидна и этнополитическая подоплека этой весьма вероятной серьезной статистической погрешности переписи 2011 г.

Но для нашего исследования значимо то, что в республике отсутствовали причины для серьезного искажения демографической статистики по местной русской общине. И есть основания полагать, что зафиксированные переписью ее размеры с большой вероятностью соответствовали

Таблица 2

Table 2

действительности, что позволяет сравнить демографическую динамику русского населения Абхазии и Грузии в 1990–2000–е гг. Если в первое постсоветское десятилетие темпы демографической убыли русских в данных двух социумах были сближенными (соответственно сокращение в 2,9 и 3,9 раз), то уже в 2000–е гг. они различались кардинально. Превращение России в центральный гарант политической независимости и социально-экономической устойчивости Абхазии способствовало количественной стабилизации русской общины. Но данное же обстоятельство стало фактором дальнейшего ускоренного сокращения численности русских в Грузии. За 2002–2014 гг. их численность в стране сократилась в 2,5 раза (с 67,5 до 26,5 тыс. чел.). В первой половине 2010–х гг. русские общины двух стран были уже сопоставимы по размерам, притом, что в конце 1980–х гг. демографический потенциал русских Грузии был больше в 3,3 раза.

Несмотря на общую стабилизацию русского этнического присутствия в Абхазии, динамика отдельных территориальных групп в 2000–е гг. оставалась разнонаправленной. Если в республиканской столице и ряде районов численность русских несколько выросла, то в других административно-территориальных образованиях продолжала сокращаться. Причем в числе последних был и Гагрский район, одно из двух основных средоточий русского расселения республики. Тем не менее на него вместе с Сухуми по-прежнему приходилось более 70 % русских Абхазии. Еще более отчетливо обозначился столичный (и в целом городской) характер расселения русской общины – в начале 2010–х гг. уровень ее урбанизации вырос до 79,3 %.

При этом в системе расселения наблюдалась определенная корреляция между удельной концентрацией русских в населенных пунктах и абсолютным размером последних. В Сухуми и других городских центрах (за исключением южного Галя) доля русских на рубеже 2010–х гг. составляла 9–30 %. Доля русских в селах в целом была заметно ниже, также в известной мере коррелируя с размерами поселений. Однако у данной закономерности могли быть и другие причинные основания. С учетом того, что большинство городов, крупных и средних сел располагались на побережье или в непосредственной близости от моря, а приморская поселенческая сеть исторически формировалась как зона полиэтничного расселения. Села, отодвинутые от берега в предгорья или горную местность, отличались полным преобладанием титульного или грузинского (мингрельского) населения [2, 4]. Таким образом, концентрируясь в приморской зоне, русское население тем самым тяготело к крупным поселениям (рис. 2 А, Б).

Исследование геодемографической динамики русского населения Абхазии в 2010–начале 2020–х гг. по необходимости должно опираться на данные текущего демографического учета, поскольку после 2011 г. переписей населения не проводилось. В ежегодных статистических ежегодниках присутствует этнодемографическая информация, позволяющая зафиксировать национальную

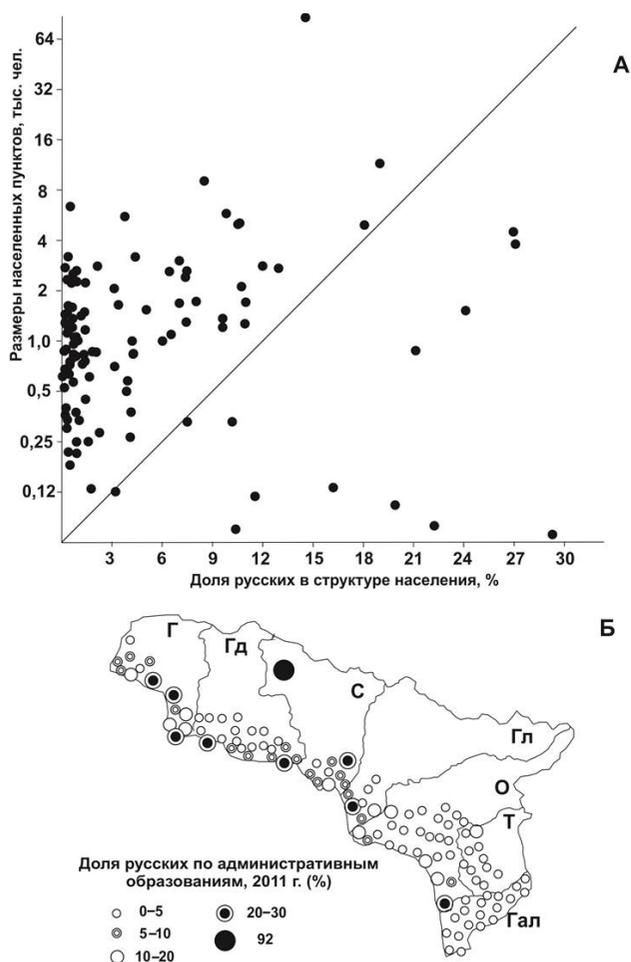

Рис. 2. Система расселения и удельная концентрация русского населения Абхазии, 2011 год. Рассчитано по: [16].

Fig. 2. The settlement system and the specific concentration of the Russian population of Abkhazia, 2011. Calculated according to: [16].

структуру населения в разрезе всей республики и ее административных районов. Однако знакомство с данной статистикой за 2011–2023 гг. обнаруживает ее «статичный» характер, почти полное отсутствие динамики по всем основным национальностям как в пределах всей Абхазии, так и в разрезе ее отдельных территориальных сообществ [13, 14].

Трудно представить, что за 12 лет размеры основных 13 национальных групп населения сохранялись в узком количественном диапазоне – 0,5–1,5 %. В качестве возможного объяснения можно предположить, что данная этнодемографическая статистика, опираясь на результаты текущего учета естественного воспроизводства национальных групп населения Абхазии, не учитывала их миграционной динамики. Что, по крайней мере, могло бы отчасти объяснить минимальную количественную подвижность их размеров. Но в этом случае возникает вопрос о размерах погрешности, которая, заметим, могла существенно различаться для отдельных национальностей. Что предполагает самостоятельную оценку возможной демографической динамики в 2010–е гг. каждого из них.

Геодемографическая динамика русского населения в 2010–начале 2020–х гг. Поскольку объектом нашего

изучения является русская община Абхазии, ограничимся анализом особенностей ее естественной динамики, миграционной динамики, векторов и масштабов ассимиляционных процессов. Госкомстат Абхазии не публикует данные о естественном движении населения в национальном разрезе. Отсутствует информация и об их половозрастной структуре, в значительной степени «задающей» уровень рождаемости и смертности. Таким образом, оценка естественного коэффициента воспроизводства русского населения в 2010–е–начале 2020–х гг. может быть выполнена только в самом первом приближении, с учетом имеющейся фрагментарной информации и общего сравнения с показателями естественного воспроизводства русских Российской Федерации.

Русское население России в первой половине 2010–х гг. характеризовалось естественной убылью в размере 3–4 ‰ в год (минимальный показатель за весь постсоветский период) с быстрым ростом естественных потерь во второй половине этого десятилетия, обусловленных в том числе мировой пандемией COVID-19. Но на высоком уровне (7–8 ‰) коэффициент естественной убыли продолжал сохраняться и в 2022–2023 гг. после завершения эпидемии. В целом, за период 2011–2022 гг. естественная убыль русских России в первом приближении может быть оценена в 6,5–7,5 ‰. Есть основания полагать, что в Абхазии этот показатель был выше, в силу деформации полового соотношения и смещения структуры населения в сторону старших возрастных когорт [2, с. 80]. Для этнических групп с подобной возрастной структурой характерна значительная убыль. Особенно с учетом ассимиляционного фактора, обусловленного значительной долей межэтнических браков и высокой долей биэтнофоров (людей смешанного происхождения). Однако в силу ряда причин процесс старения русской общины Абхазии протекал замедленно. В середине 2010–х гг. в ее составе дети и подростки школьного возраста составляли 9,5 % – лишь на 1 % ниже, чем у русских России. При этом, хотя в межэтнические браки вступало 49,8 % русских мужчин и 63,2 % русских женщин [11], влияние данного фактора на демографическую динамику русских республики было сложным, потому что в браках, заключаемых с представителями русскоязычных общин (украинцами, белорусами, татарами), значительная часть смешанного потомства выбирала русскую идентичность; в сочетаниях с рядом других национальных групп (в том числе армянами, греками, осетинами), самоидентичность детей могла распределяться равномерно по национальным сообществам родителей. Только в семьях, образуемых русскими с абхазами и грузинами, предпочтение отдавалось данным кавказским идентичностям, тем более, что в подавляющем большинстве случаев они представляли национальность отца. В целом в таком ассимиляционном взаимодействии с другими национальными сообществами республики русская община скорее могла терять население, но эти потери были невелики и едва ли могли превышать несколько процентов за десятилетие.

В общей сложности в сумме естественной убыли они могли составить за 2011–2022 гг. порядка 10–15 ‰. В этом

случае без учета миграционной динамики численность русских в республике должна была к началу 2023 г. сократиться до 19–20 тыс. чел. Согласно данным Госкомстата Абхазии, численность русских в это время составляла 22,6 тыс. чел. [14, с. 26]. Таким образом, чистый миграционный приток русских за данный период мог составлять порядка 2,5–3,5 тыс. чел. В отсутствии данных об этнической структуре миграционной динамики населения нет возможности проверить точность этой количественной оценки. Но экспертный анализ указывает на ее общую реалистичность. В условиях политической и социально-экономической стабильности отток русских из Абхазии был маловероятен. Выраженная курортно-рекреационная специализация республики давала местному русскому населению широкие возможности для трудоустройств в различных сегментах сервисной экономики.

Но масштабный поток отдыхающих (с середины 2010-х гг. он колебался в диапазоне 3,5–5,5 млн в год) (рис. 3), представленный, прежде всего, русскими в силу национальной структуры населения России, оказывал на демографическую динамику русской общины Абхазии и прямое разнообразное воздействие. Несмотря на значительные колебания масштабов турпотока по сезонам, даже в зимний период в республике одновременно находилось порядка 70–100 тыс. отдыхающих из России, а в высокий курортный сезон (с середины июня по начало октября) – 200–250 тыс. чел., в том числе 160–200 тыс. русских (при условии, что их доля в турпотоке соответствовала доле в населении страны).

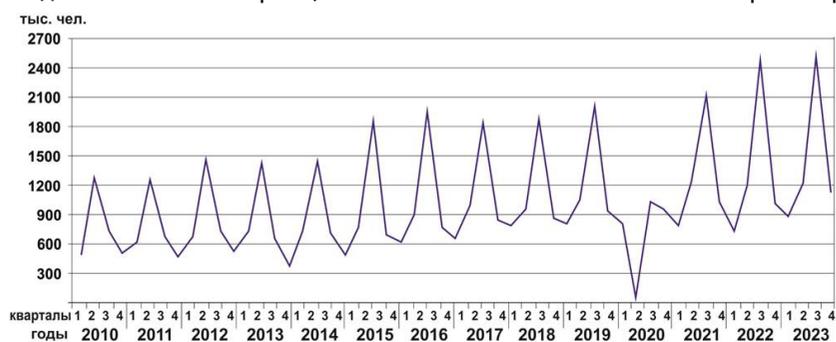

Рис. 3. Динамика российского турпотока в Абхазию по годам и кварталам, 2010–2023 годы, тыс. чел. Составлено по: [18].

Fig. 3. Dynamics of the Russian tourist flow to Abkhazia by year and quarter, 2010–2023 (thousand people).

Compiled according to: [18].

Таким образом, русские рекреанты многократно превышали не только численность местной русской общины, но и ощутимо превосходили количественно все постоянное население приморской зоны северных и центральных районов республики. А в силу достаточно широкого распространения горного туризма география данного турпотока охватывала самую значительную часть территории Абхазии.

Это фактически круглогодичное масштабное присутствие отдыхающих в значительной степени определяло формы социальной жизнедеятельности и структуры повседневности всего абхазского общества, при этом обеспечивая постоянную разнообразную демографическую подпитку местной русской общины, не фиксируемую и не

учитываемую официальной статистикой. Очевидно, что существует достаточно объемная группа русского населения, не относящегося к местной общине, но при этом длительное время проживающего в Абхазии, либо циркулирующего между ней и Россией на постоянной основе, поскольку проницаемость границы между Абхазией и Российской Федерацией существенно облегчает пространственную циркуляцию между странами. Таким образом, демографическая динамика русской общины Абхазии в первую очередь определяется миграцией, масштабы которой регулируются властями республики в соответствии с интересами титульного народа.

Прежде всего, здесь можно отметить россиян – собственников недвижимости. Наличие прямого железнодорожного и автомобильного сообщений, безвизовый режим и возможность въезда в республику по внутреннему паспорту лежит в основе психологического восприятия Абхазии как очень близкого государственного образования, фактически еще одного российского региона с определенной кавказской спецификой³. Данное обстоятельство уже с начала XXI в. способствовало росту интереса к приобретению абхазской недвижимости.

После признания Россией в 2008 г. государственной независимости Абхазии и окончательного ее включения в контур безопасности, обеспечиваемый российскими вооруженными силами, исчез последний внешний фактор, сдерживавший россиян в приобретении жилья на территории республики. Создавались условия для массового роста группы российских собственников недвижимости. Потенциальные масштабы и темпы данного процесса могут быть в самом первом приближении оценены по интенсивности миграционного притока в причерноморские центры Кубани (в 2010-е гг. положительное сальдо миграции в данной приморской зоне составляло порядка 10–15 тыс. чел. в год).

Нет сомнения в том, что абхазские власти могли без труда обеспечить такой же, если не больший, приток в республику российского (т. е. в своей массе русского) населения. В течение 15–25 лет такой приток могкратно увеличить общий демографический и трудовой потенциал Абхазии, заметно поднять платежеспособность и общий уровень жизни местного населения. Учитывая, что именно ощутимый дефицит трудовых ресурсов остается центральным фактором депрессивности национальной экономики со второй половины 1990-х гг., такой приток мог стать значимым драйвером социально-экономического роста.

Но, учитывая ограниченные размеры титульного сообщества, обратной стороной масштабного миграционного пополнения стала бы ускоренная трансформация национальной структуры населения, превращение русских

³ В этом отношении показательно, что релоканты, покинувшие Россию в 2022–2023 гг., практически никогда не рассматривали Абхазию в качестве места переезда именно потому, что она воспринималась ими как фактически российская территория.

уже в среднечелюстной перспективе в крупнейший народ Абхазии. Очевидно, что политическая элита страны и все титульное сообщество, приложившее столько усилий для ликвидации грузинской этнодемографической доминанты, ни при каких обстоятельствах не хотели бы снова оказаться в положении национального меньшинства.

Данное обстоятельство, очевидно, стало основной причиной разработки властями Абхазии комплекса мер, максимально осложнившего процесс приобретения иностранцами (т. е. прежде всего россиянами) недвижимости в республике. Показательно, однако, что даже этот «заградительный» комплекс не мог остановить поток желающих приобрести «домик у моря». Точное количество россиян – собственников жилья в Абхазии – неизвестно. Но учитывая, что только число судебных разбирательств, связанных с ее приобретением, в середине–второй половине 2010-х гг. достигало нескольких тысяч, речь может идти о десятках тысяч человек. Нет сомнения, что это число может быть сопоставимо с общим размером постоянного русского населения Абхазии.

Не менее количественно значимой группой русских в республике в последние 10–20 лет могут быть трудовые мигранты, численность которых в высокий курортный сезон также может измеряться в десятках тысяч человек [2, с. 84–92]. Таким образом, даже без учета туристов, в структуре наличного русского населения современной Абхазии могут с большим перевесом доминировать жители России.

Выводы

Исследование показало, что период резкой геодемографической трансформации русской общины Абхазии пришелся на время вооруженного грузино-абхазского конфликта (1992–1993), в течение которого русское население республики сократилось в несколько раз. Послевоенные годы (середина–вторая половина 1990-х гг.) были связаны с частичным восстановлением численности и географии русских в пределах Абхазии. С рубежа XX–XXI вв. начинается период, который можно условно обозначить как геодемографическое «плато» – размеры общины стабилизируются на уровне 21–23 тыс. чел. Устойчивой на протяжении 25 лет остается и система расселения русских по территории республики.

Однако община является только одной из форм русского этнического присутствия в Абхазии, которое с учетом россиян – туристов, собственников жилья и трудовых мигрантов – в настоящее время кратно выше уровня, фиксируемого официальной статистикой. В пределах всего современного постсоветского Южного Кавказа нет другого социума со столь высокой концентрацией русского населения, которое к тому же на большей части территории фактически являлось бы количественно доминирующей группой наличного населения.

Но даже если сосредоточить внимание исключительно на местной русской общине, обнаруживаются ее особенности, отличающие от всех остальных территориальных групп русских на Южном Кавказе. Прежде всего, это долговременная количественная и пространственная устой-

чивость, результатом которой является поступательный рост удельного веса абхазской общины в общей структуре русского населения всего данного постсоветского макрорегиона. Если в 2000 г. на долю Абхазии приходилось 9,4 % русских Южного Кавказа, то в 2010 г. – 11,7, а в начале 2020-х гг. – уже 15–16 % [10].

Данный геодемографический тренд, очевидно, является долговременной тенденцией. Расчеты показывают, что практически все оставшиеся в пределах этого макрорегиона средоточия русского населения продолжают сокращаться, за исключением абхазской общины, размеры которой могут сохраниться на существующем уровне в самой долгосрочной перспективе. При таком сценарии из 70–90 тыс. русских, которые в середине XXI в. могут быть расселены в пределах Южного Кавказа, уже 27–33 % будет приходиться на Абхазию (без учета группы собственников жилья, трудовых мигрантов и отдыхающих). Сопоставимой по численности в макрорегионе в это время может быть только русская община Баку.

Значительную устойчивость, очевидно, будет демонстрировать и география расселения русских республики, преимущественно включающая приморскую поселенческую сеть с двумя эпицентрами (Сухуми и Гагрский район). С конца 1980-х гг. на них приходилось порядка 70 % всего русского населения Абхазии. При этом с начала XXI в. наблюдалась определенная демографическая «переконцентрация» – если в 2003 г. численность русских Сухуми превосходила русское население Гагрского района на 20 %, то в 2023 г.: уже на 58 %. В любом случае, именно республиканская столица и территории Абхазии, прилегающие к Российской Федерации, будут сохранять свою центральную роль в системе расселения русских республики.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Абхазы / отв. ред.: В. А. Тишков, С. В. Чешко. – Москва : Наука, 2007. – 547 с.
2. Багапш, Н. В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX–начало XXI вв.) / Н. В. Багапш. – Сухум : Абиги, 2017. – 280 с.
3. Багапш, Н. В. Этнодемографические процессы в Гудауте (конец XIX–начало XXI вв.) / Н. В. Багапш. – Сухум : Абиги, 2019. – 384 с.
4. Дубова, Н. А. Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях / Н. А. Дубова, А. Н. Ямсков. – Москва : ИЭА РАН, 2006. – 18 с.
5. Ямсков, А. Н. Население Абхазии: постсоветские изменения в свете этнодемографии и этногеографии / А. Н. Ямсков // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. – Москва : Старый сад, 2009. – С. 232–233.
6. Ямсков, А. Н. Проблемы определения численности абхазов и грузин в Абхазии в середине 2000-х годов / А. Н. Ямсков // Вестник МГИМО. – 2010. – № 3. – С. 18–26.

7. Мукомель, В. И. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в НГ / В. И. Мукомель // Социологические исследования. – 1999. – № 6. – С. 66–71.
8. Соловьева, Л. Абхазо-грузинский конфликт: прошлое и настоящее этнокультурных взаимосвязей / Л. Соловьева // Кавказ и глобализация. – 2012. – Т. 6, Выпуск 1. – С. 128–126.
9. Суций, С. Я. «Войны за родину» на постсоветском пространстве: этнодемографические последствия (на материалах Абхазии и Донбасса) / С. Я. Суций // Новое прошлое. – 2020. – № 4. – С. 96–112.
10. Суций, С. Я. Русские на Южном Кавказе: факторы динамики в постсоветский период и геодемографические перспективы / С. Я. Суций // Социологические исследования. – 2021. – № 9. – С. 26–41.
11. Хашба, А. Ш. Этнодемографические процессы в современной Абхазии: автореф. дис... канд. ист. наук / А. Ш. Хашба. – Сухум, 2015. – URL: https://otherreferats.allbest.ru/moscow/00992760_0.html (дата обращения: 05.02.2024).
12. Всесоюзная перепись населения 1989 года: Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп-Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (дата обращения: 05.02.2024).
13. Population statistics of Eastern Europe & former USSR. – URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 05.02.2024).
14. Абхазский статистический ежегодник – 2022. Государственный Комитет Республики Абхазия по статистике. – Сухум : ИП «Лагвилава А», 2023. – 168 с.
15. Всесоюзная перепись населения 1979 года: Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности // Демоскоп-Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php (дата обращения: 07.02.2024).
16. Этнокавказ. – URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnazerbaijan.html> (дата обращения: 05.02.2024).
17. Mainville, M. Georgia warns of Abkhazia unrest after UN mission ends / M. Mainville // Agence France-Presse (AFP), June 16, 2009. – URL: <http://news.yahoo.com/s/afp/20090616/wlafp/georgiarussiaunabkhaziaconflictdiplomacy20090616141732> (дата обращения: 30.08.2023).
18. Статистика квартального выезда российских граждан за рубеж в 2010–2023 гг. // Росстат. Индикаторы. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480> (дата обращения: 05.02.2024).
- (konec XIX – nachalo XXI vv.) [Ethnodemographic processes in Gudauta (late XIX – early XXI centuries)] / N. V. Bagapsh. – Sukhum: Abigi, 2019. – 384 p.
4. Dubova, N. A. Demograficheskaya situatsiya v abkhazskikh dolgozhitel'skikh seleniyah [Demographic situation in Abkhazian villages of centenarians] / N. A. Dubova, A. N. Yamskov – Moscow: Inst. of Ethnology and Anthropology, RAS, 2006. – 18 p.
5. Yamskov, A. N. Naselenie Abhazii: postsovetskie izmeneniya v svete etnodemografii i etnogeografii [The population of Abkhazia: post-Soviet changes in the light of ethnodemography and ethnogeography] / A. N. Yamskov // Kursom razvivayushcheysya Moldovy. Т. 8. Edinstvo i mnogoobrazie v sisteme kul'turnogo naslediya [By the course of developing Moldova. Vol. 8. Unity and diversity in the system of cultural heritage]. – Moscow: Stary Sad, 2009. – P. 232–233.
6. Yamskov, A. N. Problemy opredeleniya chislennosti abkhazov i gruzin v Abhazii v seredine 2000-h godov [Problems of definition the number of Abkhazians and Georgians in Abkhazia in the mid-2000s] / A. N. Yamskov // Bull. of Moscow State Inst. of International Relations. – 2010. – No. 3. – P. 18–26.
7. Mukomel, V. I. Demograficheskie posledstviya etnicheskikh i regional'nykh konfliktov v nezavisimyykh gosudarstvakh [Demographic consequences of ethnic and regional conflicts in Independent States] / V. I. Mukomel // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. – 1999. – No. 6. – P. 66–71.
8. Solovyova, L. Abhazo-gruzinskij konflikt: proshloe i nastoyashchee etnokul'turnyy vzaimosvyazey [The Abkhazian-Georgian conflict: past and present of ethnocultural interrelations] / L. Solovyova // Kavkaz i globalizatsiya [Caucasus and Globalization]. – 2012. – Vol. 6. – Issue 1. – P. 128–126.
9. Sushchy, S. Ya. "Vojny za rodinu" na postsovetskom prostranstve: etnodemograficheskie posledstviya (na materialakh Abhazii i Donbassa) ["Wars for the motherland" in the post-Soviet space: ethnodemographic consequences (based on the materials of Abkhazia and Donbass)] / S. Ya. Sushchy // Novoe proshloe [New Past]. 2020. – No. 4. – P. 96–112.
10. Sushchy, S. Ya. Russkie na YUzhnom Kavkaze: faktory dinamiki v postsovetskiy period i geodemograficheskie perspektivy [The Russians in the South Caucasus: dynamics factors in the post-Soviet period and geodemographic prospects] / S. Ya. Sushchy // Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. – 2021. – No. 9. – P. 26–41.
11. Khashba, A. Sh. Etnodemograficheskie processy v sovremennoy Abhazii [Ethnodemographic processes in modern Abkhazia]: abstract of diss...Cand. Sci. (History) / A. Sh. Khashba – Sukhum, 2015. – URL: https://otherreferats.allbest.ru/moscow/00992760_0.html (accessed: 05.02.2024).
12. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1989 goda: Raspre-delenie gorod-skogo i sel'skogo naseleniya oblastej respublik SSSR po polu i nacional'nosti [All-Union population Census of 1989: Distribution of urban and rural population

References

1. Abhazy [The Abkhazians] / Eds. V. A. Tishkov, S. V. Cheshko. – Moscow: Nauka, 2007. – 547 p.
2. Bagapsh, N. V. Etnodemograficheskie processy v Suhume (konec XIX – nachalo XXI vv.) [Ethnodemographic processes in Sukhum (late XIX – early XXI centuries)] / N. V. Bagapsh. – Sukhum: Abigi, 2017. – 280 p.
3. Bagapsh, N. V. Etnodemograficheskie processy v Gudaute

- of the regions of the republics of the USSR by gender and nationality] // Demoscope-Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php (accessed: 05.02.2024)
13. Population statistics of Eastern Europe & former USSR. – URL: <http://pop-stat.mashke.org> (accessed 05.02.2024)
 14. Abkhazskij statisticheskij ezhegodnik – 2022. [Abkhazian Statistical Yearbook – 2022]. State Committee of the Republic of Abkhazia on Statistics. – Sukhum: IP "Lagvilava A", 2023. – 168 p.
 15. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1979 goda: Raspredelenie gorod-skogo i sel'skogo naseleniya oblastej respublik SSSR po polu i nacional'nosti [All-Union Population Census of 1979: Distribution of urban and rural population of the regions of the republics of the USSR by gender and nationality] // Demoscope-Weekly. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php (accessed: 07.02.2024).
 16. Etnokavkaz [Ethnocaucasia]. – URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnazerbaijan.html> (accessed 05.02.2024)
 17. Mainville, M. Georgia warns of Abkhazia unrest after UN mission ends / M. Mainville // Agence France-Presse (AFP), June 16, 2009. URL: <http://news.yahoo.com/s/afp/20090616/wlafp/georgiarussiaunabkhaziaconflictdiplomacy20090616141732> (accessed 05.02.2024).
 18. Statistika pokvartal'nogo vyezda rossijskih grazhdan za rubezh v 2010–2023 gg. [Statistics of quarterly departure of Russian citizens abroad in 2010–2023]. // Rosstat [Russian Statistics Committee]. Indicators. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480> (accessed: 05.02.2024)

Благодарность (госзадание)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00974, <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>.

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00974, <https://rscf.ru/project/24-28-00974/>

Информация об авторе:

Суций Сергей Яковлевич – доктор философских наук, заведующий лабораторией социологии, главный научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН, <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988> (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Чехова, д. 41; e-mail: SS7707@mail.ru).

Author:

Sergei Ya. Sushchy – Dr. Sci. (Philosophy), Head of the Sociology Laboratory, Chief Researcher, Federal Research Centre Southern Science Centre, RAS <https://orcid.org/0000-0001-5131-3988> (41, Chekhov st., Rostov-on-Don 344006, Russian Federation; e-mail: SS7707@mail.ru)

Для цитирования:

Суций, С. Я. Русское население Абхазии: геодемографические процессы постсоветского периода / С. Я. Суций // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 2 (68). – С. 99–107.

For citation:

Sushchy, S. Ya. Russian population of Abkhazia: geodemographic processes of the post-Soviet period / S. Ya. Sushchy // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series «Historical demography». – 2024. – No. 2 (68). – P. 99–107.

Дата поступления рукописи: 29.02.2024

Прошла рецензирование: 04.03.2024

Принято решение о публикации: 11.03.2024

Received: 29.02.2024

Reviewed: 04.03.2024

Accepted: 11.03.2024